

Сибирская Жизнь

Воскресенье, 7-го ноября 1904 года.

И. В. Федоровъ (Омулевскій).

1836—1883 г.

Среди писателей сибиряковъ Иннокентій Васильевичъ Федоровъ, избравшему псевдонимъ Омулевскій, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Бѣдная интеллигенція, даже въ настоящее время, Сибирь, весьма естественно, не могла дать много сполна представителей, которые выдвинулись бы на литературнои и научномъ поприщѣ. Любопытно однако еще, что и тѣ сибиряки, имена которыхъ занесены въ лѣтописи русской науки и литературы, какъ Шаповъ, Пашковъ, Потанинъ, Менделѣевъ, Наумовъ, Ядринцевъ и др. принадлежатъ къ эпохѣ 60-хъ годовъ, т. е. къ той же эпохѣ, которая выдвинула и создала массу лучшихъ литературныхъ и научныхъ силъ Европейской Россіи. Это явленіе можно объяснить только особенностью и свойствами той эпохи, векохлунувшей и пробившей русскую мысль настолько, что представители ея еще долго въ теченіе послѣдовавшихъ затѣвъ продолжительныхъ сумерекъ горѣли какъ яркіе свѣтоочи. Эта эпоха отразилась и на Сибирь, и будь она продолжительнѣе, Сибирь, какъ и Европейская Россія, дала бы больше представителей русскаго интеллекта. Въ настоящее время хотя въ Сибирь и больше по сравнению съ прежними временами такъ называемой интеллигенціи, хотя и больше возможности приложить свои силы для общественной дѣятельности, но общій унылый и сѣрый тонъ жизни, не возбуждающій духовнаго подъема, не способный создать борцовъ и фанатиковъ идеи, открывать умъ и фантазію, воспитать идею общественного долга, создать и вдохновить свободную мысль.

Омулевскій является типичнымъ, хотя и не особенно яркимъ представителемъ беллетристики 60-хъ годовъ, когда литература занялась обезличеніемъ общественныхъ вопросовъ, не только въ формѣ публицистики, но и въ формѣ литературныхъ произведеній, относящихся къ разряду такъ называемой нащидой словесности. Многие тогдашніе романы и повѣсти представляютъ собою трагаты на социологическія темы. Авторы ихъ задавались не стремленіемъ изобразить въ художественной формѣ текущую жизнь, а желаніемъ привести и разъяснить читателю новыя нравственныя взгляды на общественный идеалъ и задачи. Со стороны такого общества была большая задержка на такихъ произведеніяхъ, чѣмъ и объясняется громадный успѣхъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ, нынѣ уже забытыхъ почти романовъ и повѣстей. Таіе писатели, какъ Михайловъ (Шеллеръ), Бажинъ, Рѣшетниковъ, Сѣдовъ пользовались огромной популярностью. Омулевскій до 70-хъ годовъ былъ не безызвѣстенъ современнымъ читателямъ, какъ авторъ стихотвореній на общественныя темы, но въ 1870 году онъ выступилъ въ журналѣ «Дѣло» съ довольно обширными романами: «Шагъ за шагомъ», сразу сдѣлавшимъ имя Омулевскаго симпатичнымъ и извѣстнымъ всей интеллигентной Россіи. Романъ, появившійся вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Свѣтловъ», его взгляды, характеръ и дѣятельность, быстро разошлись и требовалъ второго изданія, но оно не было разрѣшено.

Романъ этотъ представляетъ значительную долю автобиографическаго содержанія.

Дѣйствіе въ романѣ «Шагъ за шагомъ» происходитъ въ провинціи — въ городѣ Ушаковскѣ (Иркутскѣ), куда прѣхалъ герой романа Свѣтловъ. Въ настоящее время жизнь поставила уже другіе, болѣе широкіе запросы, чѣмъ тѣ, которые рассматриваются въ этомъ романѣ, и для современнаго русскаго интеллигента онъ не представляетъ захватывающаго интереса, но для молодежи, мироощущеніе которой находится въ стадіи формировапія, это произведеніе Омулевскаго представитъ много новаго, вызывающаго молодую мысль на размышленіе. Положительные типы романа, хотя и очерченные въ нихъ мѣстами съ нѣкоторою искусственностью, вызываютъ симпатію читателей, въ особенности молодого, способны пробудить дѣятели, но готовы проявиться, стремленія къ постановкѣ благородныхъ общественно-полезныхъ

задачъ. Хорошее воспитательное значеніе романъ не утратилъ и нынѣ, а въ то время, когда онъ появился, онъ безусловно сыгралъ важную роль въ русской общественной жизни, вызвалъ оживленія бесѣды не только среди читателей, но и въ современной литературѣ.

Въ 1883 г. въ Петербургѣ были изданы отдѣльной книгой (498 страницъ) стихотворенія Омулевскаго подъ общимъ названіемъ «Пѣсни жизни». Эти стихотворенія были написаны въ разное время. Книга прошла почти незамѣченной, что не могло не огорчить автора. Отсутствіе проявленія интереса въобщѣ понятно. Въ обществѣ царилъ уныніе, разочарованіе, ставились иные запросы. Любимымъ поэтомъ былъ Надсонъ, а изъ философско-соціологическихъ доктринъ наибольшій интересъ вызвали доктрины Толстого о непротівленіи злу и проч. «Пѣсни жизни» Омулевскаго — продуктъ дру-

И. В. Федоровъ-Омулевскій.

1836—1883.

того времени — никого не интересовали, ихъ пора была пазана. Нужно было появиться чему либо особю яркому изъ этого рода «прошлой литературы», чтобы остановить на себѣ вниманіе. Этой яркостью книга Омулевскаго не обладала.

Жизнь Омулевскаго сложилась очень неблагопріятно для роста и культивировки его таланта. Только въ дѣтствѣ онъ пользовался матеріальными достатками, живя у родителей. Сначала въ Петропавловскѣ (на Камчаткѣ), гдѣ и родился, а затѣмъ въ Иркутскѣ. Гимназіи онъ не кончилъ — вышелъ изъ 6-го класса. Его стихотворныя энграммы, конечно, не нравились наставникамъ и причинили ему много волненій и непріятностей. Изъ службъ онъ не чувствовалъ влеченія, его тянуло къ литературѣ, т. е. къ Петербургу, какъ литературному центру. Литературная работа того времени не могла дать спокойнаго матеріальнаго существованія. Для этого требовались исключительно благоприятныя условія, возможныя для единицы.*

Жизнь Омулевскаго особенно послѣ женитбы представлялъ сплошную бѣдность съ рѣдкими просвѣтами. При такихъ обстоятельствахъ талантъ вліялъ, а русскій писатель зачастую начинаетъ прибѣгать въ водку, какъ средству, дающему хоть временное забвеніе жизненной тягести. Не избѣгъ этого и Омулевскій.

Здоровье его было сильно расшатано и у него обнаружилась чахотка. На леченіе не было средствъ и жить приходилось въ нищѣ. 26-го декабря 1883 года Омулевскій умеръ почти моментально отъ разрыва сердца. Въ послѣднее время его матеріальное положеніе было настолько плохо, что онъ почти не могъ выходить изъ дому, т. е. платье было или заложено, или продано. Когда онъ умеръ,

то не было приличнаго бѣлья, въ которое можно было бы одѣть покойнаго. Похороненъ онъ былъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, у литературныхъ мостковъ, на деньги, собранныя подпиской.

Своеобразная жизнь и природа громадной Сибирь еще ждетъ своего поэта, который при наличности таланта имѣлъ бы способностъ проникнуться «сибирскими мотивами». Хотя о Сибирь писали и пишутъ стихи, хотя издано даже нѣсколько книжекъ, но вся эта литература безъ какого либо для читателя ущерба исправно забывается, какъ не заслуживающая памяти тошнота. Россійскіе поэты, изъ которыхъ иные бывали въ Сибирь, а другіе о ней только слыхали, пытались иногда брать сибирскія темы, но попытки эти были и немногочисленны и непопулярны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ясно чувствуется риторичность, дѣланность, отсутствіе живого, захватывающаго поэтическаго чувства.

«Сибирскимъ поэтомъ» могъ бы быть Омулевскій, несомненно обладавшій поэтическимъ талантомъ, хотя и не перестепеннаго размѣра. Но жизнь Омулевскаго такъ сложилась, что въ Сибирь онъ послѣдствіе своего стѣсненнаго матеріальнаго положенія былъ рѣдкимъ гостемъ и средства для существованія должны были добывать вдали отъ родины, при особыхъ условіяхъ литературной работы, при особомъ литературныхъ запросахъ, при условіяхъ жизни, отодвигавшихъ и исключавшихъ спеціально сибирскія темы. Однако, тѣ немногія стихотворенія Омулевскаго, которые онъ посвятилъ Сибирь, являются лучшими въ литературѣ этого рода, да пожалуй лучшими произведеніями его музы вообще. Во всѣхъ ихъ чувствуется горячая любовь поэта къ родинѣ, сибирскіе поэтическое чувство, непосредственность впечатлѣнія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видна идеализація, но она вполнѣ понятна для любящаго свою родину поэта, котораго житейскія условія заставляли жить вдали отъ нея.

Въ стихотвореніи «На новый годъ» (сибирскій токъ) поэтъ писалъ:

«Наполняя бокалы мой опять.
Край прекрасный, единственный въ мірѣ!
Я хотѣлъ бы тебѣ поздравить—
Чтобъ подобно простору и ширь
Нашихъ рѣкъ исполнились, развилъ
Ты всю мою сполна дремающихъ силъ...
Честь и слава далекой Сибиріи!

Или другое стихотвореніе, «На берегахъ Енисея», начинается такъ:

«Стою — и лютою градою слезамъ...
Чрезъ — столько лѣтъ... и то не грезы,
Не сонъ, что снова вижу я,
Какъ издавъ въ молодости будую,
Тебѣ, кормилцу родную...
О, здравствуй, родина мой!

Правильно себѣ привести полностью еще одно стихотвореніе Омулевскаго:

«Я снамъ не вѣрю, но порой,
Въ тиши ночей неострожно
Передо мной прохлдитъ мимо
Въ чудесныхъ грезахъ край родной.
И то уже не край изгнанья,
А край свободнаго труда,
Гдѣ благоденствія года
Давно изгладили страданья.
Я снамъ не вѣрю, но пусая
Мнѣ чаще снится грезы эти,—
Пускай какъ въ мірѣ вѣрять дѣти,
Я тоже вѣрю въ мой край.

Мы сказали уже, что условія литературнаго труда не позволили Омулевскому сдѣлаться «сибирскимъ поэтомъ». Сибирская литература даже въ настоящее время не вышла изъ пеленки, не можетъ быть названа открытой, а во времена Омулевскаго она была въ самомъ эмбриональномъ состояніи. Достаточно указать, что даже въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго (19-го столѣтія на всю обширную страну была одна только частная газета, «Сибирь», выходившая въ Иркутскѣ развѣ въ недѣлю. Только съ 80-хъ годовъ начинаютъ возникать другія частныя изданія и между прочимъ старѣвшая изъ нынѣшнихъ сибирскихъ газетъ, «Восточное Обозрѣніе», основанная Н. М. Ядринцевымъ въ 1882 г. въ Петербургѣ. Омулевскій

*) Приходилось писать очень много и въ стихахъ, и въ прозѣ, и не обрѣтало особеннаго значенія на обработку—мало платили. Омулевскій принималъ участіе въ «Сибирскомъ», «Дѣлѣ», «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ», «Жизни», «Вѣстникѣ», «Жизнени», «Обозрѣніи», «Наблюдателѣ», «Искрѣ», «Стрелѣ», «Будущемъ» и др. журналахъ.

принял в ней живое участие, но, видимо, он сам уже чувствовал, что лучшие годы прожиты, что прошлое не вернуть.

Характерная черта шестидесятников, за немногими исключениями, — это стойкость убеждений, неуклонность от избранного пути, благородство и искренность — сказывается и в Омулевском. Он имеет полное право написать в коротеньком предисловии к книжке „Писень жизни“ следующие строки:

„Оглядываясь на прошлое этих двадцати трех лет, не мне, конечно, делать отныне моих трудя; она всецело зависит от безразличия русской публики. Могу одно только искренно засвидетельствовать, что во все время моей литературной деятельности и не однажды не отклонилась от раз навсегда принятого мною направления, несмотря ни на какие нажимания гения, и старалась исполнить свое дело по силе таланта и мифа таланта“.

А вот, что писал по поводу смерти Омулевского Засодимский (Володин):

„Погасла жизнь, разорвалось и перестало биться сердце, много пострадавшее при жизни. Умеръ нашъ товарищъ, труженникъ бдѣльнъ, работавшій на благо общее, умеръ честный писатель, не оставившій послѣ себя ни одной строки, за которую можно было бы похвалить, неуклонно слѣдовавшій по избранному пути, не перебивавшій изъ подъ одного знамени къ другому и завѣщавшій въ наследство своей вдовѣ и тремъ малюткамъ только одно честное, незапятнанное литературное имя“ (Вост. Обзор. 1884 г. № 1).

Этимъ мы и закончимъ свою записку объ Омулевскомъ.

М — в.

Первое Сибирское Коммерческое училище Цесаревича Алексея.

Съ открытiемъ и окончательнымъ оборудованiемъ Великаго Сибирскаго пути Сибири предстоитъ весьма важная торговопромышленная роль и потому въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо Сибирь нуждается въ просвѣтителныхъ начинанiяхъ вообще и въ частности въ насажении ком-

текущаго учебнаго года зданiе было настолько закончено, что явилась возможность въ него перейти и 16 сентября состоялось торжество освѣщенiя и актъ въ стѣнахъ новаго зданiя. Въ училищѣ въ настоящее время открыты приготовительный классъ, первый, второй, третiй и четвертый классы (каждый классъ имѣетъ основное и параллельное отдѣленiе), а всего 9 отдѣленiй, въ конхъ числится около 300 учениковъ. Изъ общаго числа учащихся томицкiхъ около 70% изъ Западной Сибири около 20% и около 10% изъ Восточной Сибири. Выше 60% учащихся дѣти лицъ торгово-

другихъ школъ и въ самомъ началѣ постытъ дѣло возможно рациональнымъ образомъ. Пожелаемъ, училище и стремитъ къ этому. Педагогическiй комитетъ старается путемъ периодическихъ совѣщанiй съ родителями осуществлять на дѣлѣ вопросъ о сближенiи школы съ семьей и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаетъ съ полнымъ вниманiемъ какую попытку родителей узнать школьные порядки, познакомиться ближе съ жизнью школы, въ снѣхъ которой ихъ дѣти проводятъ значительную часть своей жизни. Результатомъ внимательнаго отношенiя къ вопросамъ школьной жизни явилась новая постановка нѣкоторыхъ предметовъ: такъ напр., преподаванiе новыхъ языковъ ведется по натуральному методу, при изученiи исторiи, географiи и естественныхъ наукъ въ коммерческомъ училищѣ широко пользуются послѣднимъ методомъ; со стороны педагогическаго комитета и попочительнаго совета обращено серьезное вниманiе на физическое воспитанiе дѣтей.

Томское Коммерческое училище.

ваго сословiя. Училище восьмиклассное (не считая приготовительнаго) и пользуется всеми правами реальнаго училища.

Новое зданiе училища заключаетъ необходимыя классныя помѣщенiя, лабораторiи и кабинеты, три рекреационныя зала, актовый и гимнастическiй залы; рекреационныя залы расположены въ каждомъ изъ трехъ этажей и находятся въ непосредственномъ сообщенiи съ классными помѣщенiями; пока заняты подѣ классы только первый и второй этажи; въ третьемъ этажѣ предполагается помѣстить старшiе классы и въ рекреационномъ залѣ устроитъ музей товаровѣднiя; пока этия свободныя помѣщенiя помечательный советъ училища воспользовался для устройства пансиона преимущественно для дѣтей иногороднихъ.

Омулевскаго, И., къ сожалѣнiю, не имѣю теперь въ своемъ распоряженiи точныхъ данныхъ для определенiя времени написанiя этого разсказа, но въ переданномъ мнѣ Н. М. Ядринцевымъ же „Хронологическомъ спискѣ сочиненiй И. В. Омулевскаго-Оедорова“ и составленномъ, кажется, братомъ жены Омулевскаго А. А. Ивановымъ, этотъ разсказъ помѣщенъ подѣ рубрикой „до 1870 года“. Для почитателей литературной памяти И. В. — ча, равно какъ и вообще для интересующихся недавнимъ прошлымъ сибирской жизни этотъ „посмертный“ произведенiе автора „Писень жизни“ и „Шагъ за шагомъ“ не можетъ не представлять известнаго интереса.

24 сент. 1904. Юрьевъ.

Проф. Е. Пѣтуховъ.

Сутки на станцiи.

(Разсказъ изъ путевыхъ впечатленiй).

I.

Зимнее утро. Крошечное село Крутые Лога или, говоря официальнымъ языкомъ, Крутологовская почтовая станцiя, только что проснулася; по крайнѣй мѣрѣ, дытъ такъ и валитъ воронкообразными столбами изъ низенькихъ трубъ, застилая собой и безъ того хмурое небо. Сказать положительно, который теперь часъ, рѣшительно невозможно. Во всеи селѣ только двое часовъ, у смотрителя да у священника. Но смотрительные часы остановились еще мѣсяцъ тому назадъ: „устали, молъ, все ходить да ходить безъ починки“, такъ что смотритель записываетъ уже приходъ и отходъ почты не по нимъ, а по расписанiю губернской конторы, висѣющему въ березовой рамкѣ надъ его супружескимъ ложемъ. Правда, на одни сутки онъ и вообразилъ было себя часовымъ мастеромъ: разобралъ всѣ колеса и вынулъ изъ нихъ столько пыли, что присутствовавшая при этой операционъ смотрительна даже чихнула раза три, обзавая тутъ же сторгая своего сожителя „пролитымъ копа-лой“, при чемъ попытаться было доказывать ему, не понимая, конечно, назначенiя губернской конторы, что это ея дѣло, а не его, смотрителя; но старикъ никакихъ резоновъ не принявъ и до позднего вечера провозился съ разными винтиками и колесиками. Какъ бы то ни было, только за ночь, и должно быть никто-иной какъ врагъ рода человеческого, такъ ухитрился переутратъ всю эту и безъ того мудреную механику, что смотритель на другой день рѣшительно не могъ взять въ толкъ, какимъ бы родемъ привести ее въ прежнiй порядокъ, и наконецъ рѣшился сложить „какъ Богъ на душу положитъ“, отчего, къ концу работы, внутри часового механизма и получилъ вмѣсто обычнаго механизма — чистѣйшiй кавардакъ. Это не помѣшало однакожъ смотрителю, поивши часы на старое мѣсто, съ глубокомысленнымъ лицомъ толкнуть малютки. Но бдѣльнякъ только крикнулъ:

Учебный персоналъ Коммерческаго училища.

мерческаго образованiя, которое должно оказывать влияние на всю организационъ и размахъ Сибирскаго торговаго обшества, будущность котораго для всѣхъ очевидна.

Заслуга Томскаго Купческаго Общества, что оно вало на себя смѣлость стать инициаторомъ въ созданiи перваго разсказника коммерческихъ знанiй въ Сибири.

16 сентября 1901 г. состоялось торжественное открытiе Томскаго коммерческаго училища въ составѣ двухъ отдѣленiй перваго класса при 55 ученикахъ. Въ скоромъ времени выяснилось, что помѣщенiе, занимаемое училищемъ въ домахъ, пожертвованныхъ съ этой цѣлью торговымъ домомъ „Евграфъ Кухтеринъ и сыновья“, является недостаточнымъ и 27 мая 1902 г. было заложено новое каменное зданiе на Солной площади. Къ началу

Томское коммерческое училище обслуживаетъ главнымъ образомъ свой ближайшiй районъ и Томское купеческое обшество, открывши училище, шло навстрѣчу насущной потребности лицъ, принадлежащихъ къ торговопромышленному классу. Родители, отдавая своихъ дѣтей въ коммерческое училище, рассчитываютъ очевидно на то, что ихъ дѣти, пройдя эту школу, будутъ болѣе подготовлены, чтобы по выходѣ изъ школы стать помощниками отцовъ и продолжателями ихъ торговыхъ и промышленныхъ предпрiятiй. Насколько эти надежды основательны, можетъ показатъ только время.

Возникновенiе перваго Сибирскаго коммерческаго училища въ г. Томскѣ въ моментъ реформы русской средней школы даетъ возможность какъ попочительному совету, такъ и педагогическому комитету училища воспользоваться указанiями опы-

„Ють тебѣ, дескать, и разъ!“—и затрясся, какъ въ жордакѣ; тѣмъ дѣло и кончилось. Что же касается священническихъ часовъ, то хотя отецъ Проконій, по свойственному его сану смиренію, и не доходитъ до подобнаго импровизаторства, но ють уже другая недѣля какъ онъ въ разѣздахъ то требуетъ. Часы у него суточные, а попадали, какъ на грѣхъ, отличаются преимущественно способностью не уметь дѣлать именно того, въ чемъ же затруднилось-бы и малое дитя, такъ куда ужъ въ заводитъ часы. „Не рѣшаюсь безъ батюшки“, извѣстила она разъ по этому поводу одной деревенской бабѣ, да такъ все и не рѣшается.

Надо полагать, однако-жъ, что ужъ часть восьмой-есть на дворѣ. Именитый круто-головскій гражданинъ Максимъ Филиппъ Мясниковъ, онъ же и почтосодержатель станции, натянулъ ужъ новый полубокъ и опоясывается синимъ кушакомъ—значитъ, на улицу собирается; а раньше другихъ у него и заводу итѣтъ выходить изъ избы. Косоглазая и невыразимо-едобная сожительница его, Анися Петровна, давно успѣла корою подонти и сидитъ теперь „чайкомъ бадуется“; а это ужъ несомнѣнный признакъ, что не очень рано на дворѣ. Супруги бесѣдуютъ.

Куды эфто, Филиппъ, собираешься?

— Да смотрителя надо съходить проздравить...

Молчаніе.

— Чѣмъ будете проздравлять-то?

— Да зелененькую все надо...

Молчаніе.

— Поди, и двухъ будешь?

— Нѣтъ, видно—не будешь!

Супругъ сердито сплевываетъ; супруга наливаетъ себѣ шестую чашку чаю.

— Чайку бы выпили на дорогу...

— Пей, коли влѣзаетъ. Што мнѣ въ ней, въ травѣ-то въ эфтой? у смотрителя водки выпью...

— Все бы чашечку...

— Ну, тебѣ съ чашечкой! Пристала. Право, пристала!

Молчаніе; угрюмое расчесываніе бороды.

— Поди, и мнѣ надоѣтъ пойдти къ Марѣ Федоровнѣ съ поздравленіемъ?

— Эфто ваше дѣло, бабье...

Супруга наливаетъ себѣ седьмую чашку.

— Съ молочкомъ-то какъ славно пить: выпилъ бы ты одну чашечку, ей Богу...

— Это чего-же ко мнѣ баба-то пристала? Тыфу ты!

Недовольное молчаніе съ обѣихъ сторонъ.

— Однако и мнѣ чего-нибудь снести Марѣ-то Федоровнѣ?

— Ну, и снеси.

— Не знаю, чего снести-то?...

— Коли не знаешь, такъ и толковать нечего.

Молчаніе.

— Курочку-ли, чего-ли, снести?...

— Ну, курицу неси.

— Опять-же, чтобъ замѣчанія не было отъ нея какого-то...

— Не почмистерша—не побрезгуешь. Каки-таки твои доходы-то? Много у насъ съ тобой доходовъ-то!

Молчаніе.

— Тоже не нищѣ какіе, поди...

— Толку съ тобой!

Супругъ надвѣваетъ шапку и рукавицы.

— Него спесу ужъ ей курочка да пѣтушка?

— Да неси ты, дѣвѣ тебѣ дери, что хошь! мнѣ-то како дѣло. Какъ банный листъ, пристала!

Супругъ хлопаетъ дверью и удаляется, все еще ворча себѣ подъ носъ: „Пристала, какъ банный листъ, право“. Супруга наливаетъ себѣ восьмую, врядь ли, впрочемъ, послѣднюю чашку, раздумывая вслухъ: „Снесу ужъ либо ей пѣтушка да курочку?“

II.

Въ ямской избѣ тоже идетъ бесѣда, но только бесѣда не въ одиночку, а гуртомъ, въ нѣсколько голосовъ разомъ.

— Робота, кто вчера съ кулера возилъ?

— Пайковъ, надо быть, Демка.

— Ты, что-ли, Демка, кулера возилъ?

— Я.

— Онъ, братцы, таперича и говорить не станетъ съ важности...

Смѣхъ.

— Ты, што-ли, языкъ-то у меня съѣлъ?

— Онъ те сколько, Демка, на водку далъ?

— А те што?

— У него, робята, эфто водка-те въ зубъ а съѣла,—по сейчасъ выплюнуть не можеть...

— Ой-ой!

— Право слово, такъ.

Смѣхъ.

— Взаправду, братцы, у него шока сухла...

— Глаза у те, видно, спухли, пучеглазы!

— Мо статья, эфто второй?

— Куды те! ему и съ эфтимъ-то не справитесь.

— А я думалъ, братцы, онъ у насъ съ чиновъ.

— Былъ чинъ-отъ, сказываетъ Анися, да не настоящий, нехрещенный, значить...

— Ну, таперича безпрѣмьно загуляетъ.

— Загуляетъ,—эфто гѣрно.

— Таперича доржись, робота! какъ разъ порку задасть.

— Задасть же и есть, братцы.

— Демкѣ, паре, первому достанется...

— Перво на перво ему.

— Смѣхъ.

— Што-жъ, братцы! пойдемъ, што-ли, смотрителя проздравить?

— Поди-ко ты, бойкій, сунься...

— Што-жъ такъ?

— Онъ те проздравитъ!

— На радостяхъ ничего...

— Извѣстно, на радостяхъ ничего.

— Толку-ко ты, малый!

— Прогонитъ, робота.

— Не прогонишь.

— Осенесъ прогнать.

— Осенесъ—друго дѣло.

— А може, братцы, имо и водкой угостить?

— Ладно,—на свои выпьешь.

— Што-жъ! не звѣрь онъ какой...

— Извѣстно, не звѣрь—не съѣсть.

— Чаво-жъ гурторить-то попусту,—идти али итѣтъ—сказывайте.

Воспитанники Коммерческаго училища

Смѣхъ.

— Ишь кулѣрь-отъ какъ его наострилъ!

— А ты-бъ ему, Демка, сдаци, братъ...

— Нельзя! больно крупную закатилъ.

— Размѣну, значить, не хватило?

— Былъ, да просыпался дорогой,—больно ужъ хлестко гналъ.

Обшій хохотъ.

— Ты, Демка, уже салыкомъ на ночь покажи...

— Што ты паре! дѣвки любить не будутъ.

— Не будутъ што-ли?

— Ей Богу!—не будутъ; Машка смотрительская первая наплюетъ въ харю.

— Нешто онъ ужъ и за Машкой нонѣче приуларитъ? Эку краю выбралъ!

— Ему, братцы, и смотрительская свинья въ пору...

Молчаніе и общее раздумье. На дворѣ слышится звукъ почтового колокольчика. Всѣ снова ожидаютъ, даже Демка выдвѣзаетъ изъ угла.

— Никакъ, робота, тройка бѣжитъ!

— Надо быть, тройка.

— Тройка же и есть, паре!

— Чѣй очередь-то?

— Миколины Копылова, никакъ.

— Пошто мол-то! Андроникова.

— Его разъ!

— Его.

— Микита, бѣги къ Андроникову.

— Чаво бѣжать-то: самъ услышитъ.

— Може, кулѣрь.

— Тишнѣ те на язытъ-то!—что больно часто.

— Не пошла-ли, робота?

— Пошгѣ равно прибѣжитъ.

— Коли, братцы, кулѣрь—Демкина очередь...

— Его!

— Извѣстно, его.

Смѣхъ.

Два—три ямщика ухиливъ почесывались. За перегородкой, слышно, кто-то молится въ полголоса.

— Парфеи! а, дядя Парфеи!

— Господи помилуй! Господи помилуй! Дай Богу-то помолиться...

— Господи помилуй!

— Дѣ у те новья-те простромки?

— Господи помилуй! Господи помилуй! Спроси у Орины, чо-орты!

— Она убрала. Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!

Еще двое ухиливъ. Дядя Парфеи молится ученичѣмъ. Ямская мало по мало пустѣетъ.

III.

Приготовительный классъ въ Коммерческомъ училищѣ.

— Во какъ, братъ, Демка, нонѣче!

Хохотъ на всю ямскую.

Приязнѣмый и рѣбкой Демка, паренъ лѣтъ восемнадцати, забивается при этомъ въ самый темный уголъ избы и только пыхитъ, поглядывая на всѣхъ изподлобья. Входитъ ямщикъ молодцоватаго вида.

— Смыхали, робота: смотритель нонѣче опять запыеть?

— Ну!

— Поглядите, што запыеть.

— Ты почему знаешь?

— Чинъ получилъ. Сичасъ у подрядчика былъ.

— Анися сказывала. Сязъ-отъ проздравить пошелъ.

— Эво какъ!

— Какой же таперича на немъ, братцы, чинъ будетъ?

— Хто его знаетъ! Первой, стало быть.

— Нешто онъ покедова безъ чина былъ?

— А ты какъ думаешь?

Передъ самымъ крыльцомъ станции стоитъ огромная кошева. Подъ стѣноватый ямщикъ,—всѣ бо-слѣдовательно сосулькахъ,—медленно выпираетъ лошадей. Въ кошѣ сидитъ господинъ въ енотовой шинели, съ гражданской козларой на фуражкѣ; рядомъ съ нимъ толстый купецъ въ громадной песновой шубѣ. Ямщики кучкой стоятъ около экипажа, похлопывая отъ времени до времени ногой объ ногу. Одинъ осматриваетъ полозья, другіе пробуютъ рукой отводы; вообще, всѣ суетятся, какъ будто дѣлаютъ что-то, въ сущности же ровно ничего не дѣлаютъ. Максимъ Филиппъ, на этотъ разъ уже въ качествѣ ямщикаго старосты, угрюмо переговаривается сперва изподлобья, а потомъ все громче и громче съ прибѣжавшимъ ямщикомъ:

— По казенной, али по частной?

— По ча—касной?

— Прогони каки?

— Па—аромы.

— Не трошнѣи?

— Не—е.

— Чего-ж не просили на тройку?
— Не да-аеть.
— Какова на ходу-то?
— Бь-ба чажела: на подъяет советъ, паре, замаялся...
— Клади-то, поди, довольно?
— Е-есть.
— Не увези на парь-то?
— Гдѣ тутъ на парѣ увезешь! дай господи тройкой-то,—вишь, дорога-то кака.
— Замело, што-ль?
— Бь-ба, паре,—по колѣно.
— Этта у насъ еще похуже пойдеть...

— Мотъ-ли быть?
— Ей Богу право!
Господи съ кокардой нергѣливо высунывается изъ кошева.

— Закладывайте жинге!
— За конями, ваше благородіе, побѣжали. Сичасъ запрягать станемъ.

— Бѣги, Стѣпанъ, къ Андроникову: дѣ онъ тамъ застрѣлъ!
Проходить минутъ десять. Андрониковъ приводитъ лошадей, что называется, одни кости да кожа. Начиная запрягать. Запрягаютъ такъ суетливо, какъ будто вѣрусь пришло извѣстіе, что время сильно вздорожало. Поминуту слышатся разнообразныя безобразныя голоса, начиная отъ самаго забористаго баса и кончая самымъ мизернымъ дискантомъ.

— Савраску, што-ль, въ корень-отъ закладывать хощь, Андроха?

— Е-его. Ну, сто-ой, яви тебѣ! Тирррррр!
— Постройки-те, робята, перевязать надеть,—коротки.

— Дѣ коротки-то?
— Да ты гляди: эво што? Тирру! тирру!
— Гуль-отъ, паре, перетерся!
— Перетерся, што-ль?
— Пере-етерся, яви его! Тирру!
— Эко ты горе! Да може дождеть?
— Хто его знаетъ! може и дождеть.
— Сунь-отъ, чортъ, затины крѣпче!
— Куды его нѣо тянуть-то?
— Куды! ты вишь али нѣтъ?
— ослабъ. Тирру!

— Сбѣгай, братцы, хто нибудь за рукавичками,—у Матрѣхи спроси.
— Эка, парень, растеряха — мужикъ!

— Лягатея у ти Сивака-то, што-ль? Сто-ой, чо-ортъ! тирру!

— Ляга-ател, будь она проклята!
— Занудивай, робята, по-скорѣ!

— Возки-то дѣ? Тирру! тирру!

— Чаво онъ тамъ прокладяется?
— Тами скорѣ!

— Лѣшій!
— Тирррррр!

Лошади, съ грѣхомъ пополамъ, заложены, Максимъ Филиппъ, слегка приподнявъ шапку, подходит къ кошевѣ съ того боку, гдѣ сидитъ господинъ съ кокардой.

— Прогончикъ, ваше благородіе, здѣсь пока-луйте...

— Сколько вереть станція?
— За двадцать семь съ половиной по расписанію-то плотится, да всѣ двадцать восемь будутъ...

— Сколько же слѣдуетъ прогонъ?
— Рубль двадцать четыре копейки; по настоящему-то двадцать три и три четверти приходится...

— На пару-то?
— На тройку-съ...
— Я, братецъ, на пару плачу, а не на тройку.

— Помилуйте-сь! на парѣ теперь не увезешь...
— Я ужъ тысячу вереть такъ пробѣхалъ, а ты будешь мнѣ рассказывать тутъ...
— Дороги зѣвния не тѣ-съ...
— Рассказывай...
— Нѣтъ, ужъ на троечку-то положите-съ...
— Ты, виано, братъ, не учень еще?
— Извѣстно, не грамотный-съ.
— Ты мнѣ, пожалуйста, любезный, эти глупости-то не говори! Сколько на пару?
Почтосодержатель не отвѣчалъ, оборачивается къ ямщикамъ.

— Да ты что тутъ одинъ за всѣхъ говоришь, кто ты такой?

— Староста, значить; потому и говорю.

— Поговоримъ ты у меня ужо!

— Да мнѣ што молчать-то? Тутъ енералы прѣзжаютъ да не обзываютъ всяко...

— Ну, староста, гдѣ у тебѣ, видно, спина!

— Извѣстно, наша спина къ казизъ застрафована. А вотъ, ваше благородіе, вы лучше поможите пожалуйте: надо еще поглядѣть, каки тамъ господа вы сами то-есть?

— А раньше ты что думать?

— Прописать-то ее немного время встанеть...

Господи съ кокардой нехотѣ достаеъ подорожную. Почтосодержатель на минуту уноситъ ее и затѣмъ, съ тонкой улыбкой на губахъ, возвращаетъ по принадлежности.

— Такъ какъ же, ваше по-теніе: на тройку не положите?

— Сказано тебѣ разъ — нѣтъ!

— Што-жъ, робята! отска-дай нѣо одного-то коня... Пушай Андронка парѣо везеть шагомъ; къ вечеру-то, можетъ, будетъ на станціи...

Между ямщиками происходитъ нерѣшительное движеніе. Купецъ что-то горячо шепчетъ на ухо своему спутнику. Господинъ съ кокардой борочетъ ему въ отвѣтъ, нарочно громко, чтобы всѣ слышали: «Постойте, вотъ и вѣхъ проучу, бездѣльниковъ!» и затѣмъ небрежно — важно обращается къ старостѣ:

— Сколько, ты говоришь, слѣдуетъ прогонъ на тройку?

— Рубль двадцать четыре копейки по моему счету выходить,—не знай, какъ по вашему...

— Получай!
Къ кошевѣ робко подходитъ ямщикъ, привезшій ее на эту станцію.

— Старому ямщику на водочку милости вашей не будетъ ли?

— За что? что семнадцать-то вереть три часа везъ?

— Да, вишь, дорсга-те кака нѣтъ...

— Тебѣ, скотъ, онтрафовать бы еще слѣдовало!

— И на томъ благодаримъ покорно!

Нѣкоторые ямщики прыскаютъ со смѣху; другіе насмѣшливо переглаживаютъ. Почтосодержатель отходитъ отъ кошева.

— Подоржи хто нибудь, робята, коренника-то... Садись, Андроха! Осторожнѣ, смотри, парень, полъ, гору-то спускайся. Микулинскій увидишь—скажи, штобъ безпрѣмѣно соды къ воскресенью прибави; шибко, молъ, Мясникову надо. Перебору, смотри, нѣтъ — прогонъ весь получишь.

Ла-адно.

— Ну, трогай съ Богомъ! Кошева бойко трогается.

Господи съ кокардой высунывается изъ нея и на лету озабоченно грозитъ старостѣ пальцемъ. Можно еще размыслить его отравочную брань:

— Будешь ты меня, подлецъ, помнить! Я тебѣ покажу-у!

Почтосодержатель преумо-рительно посылаетъ ему рукой въ отвѣтъ популярнѣйшій изъ русскихъ массовыхъ знавокъ.

— Нечего, слышь, тебѣ показывать-то: чинъ-отъ у тя въ Питерѣ остался!

— Въ закладъ, што-ль, Максимъ Филиппъ?

— Да-а што право! Зѣвдочку эфту на лобъ себѣ приклеить,—тоже ширится... Тыфу ты, опѣныш!

Омулевскій.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ Издатель П. Макушинъ.

Столовая въ Коммерческомъ училищѣ.

— Андрониковъ! на парѣ повезешь?
— Гдѣ-жъ теперече, Максимъ Филиппъ, на парѣ выхѣтъ съ экой кошевѣ; самъ знашь, кака нѣтъ дорога...
— Да вонъ баринъ не даеъ на тройку...
— Положите ужъ на троечку-то, ваше благородіе!
— Я вотъ тебѣ на той станціи положу, шельма.
— Эво какъ вашей милости угдио. Гдѣ-жъ тутъ, робята, на парѣ выдѣшь? На парѣ тутъ

Спальная въ Коммерческомъ училищѣ.

никакимъ родомъ не выдѣшь, право; тутъ горы пойдутъ.

— Да по мнѣ, хоть на шестерѣ вези. У васъ все горы, мошеники вы этакіе!

Почтосодержатель присогнаивается.

— Здѣсь, ваше благородіе, мошениковъ нѣтъ... Мы не знаемъ, каки такіи и мошеники бываютъ,—отъ васъ первыхъ слышимъ. Здѣсь все ямщики...

— Что-о?

— Ругаться, молъ, не хорошо!

РОЯЛИ и ПИАНИНО

фабрикъ: Беккера, Гетце, Дидерихсъ, Мюльбаха, Сmidtъ и Шредера.

ФИСГАРМОНИИ, СКРИПКИ, ГИТАРЫ и проч.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.